

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПА

Визуальная романтика

Благодаря сотрудничеству с хореографом из Санкт-Петербурга Константином Кейхелем репертуар «Балета Евгения Панфилова» пополнился красивым хореографическим вечером

Юлия Баталина

Две премьеры по цене одной — так можно назвать хореографический вечер, состоявшийся в «Балете Евгения Панфилова» 30 сентября. Строго говоря, премьера одна — хореографическая мини-атюра «Генезис», поставленная на одноимённое музыкальное произведение финского композитора Киммо Похьонена. Но и второй — довольно большой одноактный балет «Тревожное небо» — постоянные зрители театра увидели как бы заново: хореограф полностью изменил концепцию поставленного в 2012 году танцевального спектакля.

ФОТО ЕВГЕНИЙ НИКИФОРОВ

Балет Панфилова «Тревожное небо»

Константин Кейхель — очень интеллектуальный хореограф с большим культурным бэкграундом. Он из тех, кто буквально купается в архетипах, ассоциациях и мотивах, которые музыка, литература, изобразительное искусство создали за свою многотысячелетнюю историю. «Тревожное небо» было поставлено по мотивам стихов из «Цветов зла» Шарля Бодлера. Собственно, и заголовок оттуда же. Однако это не буквальные иллюстрации к стихотворным текстам, а свободные хореографические ассоциации.

В 2012 году балет шёл под микс из современных мелодий. По словам Кейхеля, делалось это для молодых зрителей, которые, по наблюдениям хореографа, классику воспринимают тяжело. Но тяжело или нет, а всё-таки стремление к эстетической завершенности преобладало, и с 30 сентября «Тревожное небо» идёт под музыку Франца Шуберта — композитора, который близок Бодлеру и хронологически, и деталями судьбы, и — главное — идеологически как один из величайших авторов трагического европейского романтизма.

Получился редкостно красивый балет о сути романтизма. Нет, вернее, балет о том, как видится романтизм сегодня, спустя почти два века после его расцвета. А ещё вернее — это история о том, как современным языком, современными средствами передать суть этого прекрасного, насквозь трагичного и ироничного и в то же время пронизанного культом красоты искусства.

Балет можно условно разделить на три части. Первая связана с тем предметом, который послужил толчком к его созданию, — со стихами, а точнее, с их материальным носителем — бумагой. Листы бумаги, словно прилипшие к рукам танцовщиков, то подчиняются людям, которые могут их смять или порвать, то вдруг начинают доминировать, увлекать танцовщиков за собой, диктовать движения, заставлять людей действовать.

Это история о том, как современным языком, современными средствами передать суть этого прекрасного, насквозь трагичного и ироничного и в то же время пронизанного культом красоты искусства

Уже в этом фрагменте появляются протагонисты — нетрудно угадать, что это Алексей Расторгуев и Мария Тихонова. Во второй части балета появляется третий герой — конечно же, Алексей Колбин. На сцене — самый настоящий любовный треугольник, страстный и сложный. Три премьеры театра буквально узлами связываются, петлями переплетаются! Столь откровенное, лиричное, острое проявление чувств само по себе завораживает, но не всё так просто! Фрагмент идёт под знаменитое фортепианное трио, в строгом соответствии музыке, и каждый из персонажей становится двойником музыкального инструмента — фортепиано,

скрипки, виолончели, каждый получает красивое соло, — словом, это буквальная визуализация одного из красивейших произведений камерной музыки, созданных человечеством. Эта маленькая история внутри общего сюжета балета сама по себе — мини-балет, который хочется назвать шедевром.

Третья часть, по логике романтического искусства, должна была бы посвящаться взаимоотношениям

танцевальной лексикой и отличным, очень выразительным светом.

К тому же балет хорошо «срифмовался» с другой, совсем новой работой Константина Кейхеля — «Генезисом». В этом мини-балете хореограф, по его собственному признанию, «шёл от музыки». Мелодичный и очень драйвовый электронный саунд визуализирован при помощи двух пластичных пар: партнёрами Марии Тихоновой и Елизаветы Черновой стали Сергей Курочкин и Павел Васькин. От всех четверых потребовалось огромное физическое напряжение и феноменальная телесная гибкость. Музыкальный темп порой просто бешеный, и Кейхель устроил танцовщикам настоящую гонку да ещё и акробатику включил.

Чрезвычайно увлекательно наблюдать этот квартет, то распадающийся на пары, то превращающийся в единство. Несмотря на название, речь тут не идёт о сотворении мира, всё же это личная, а вовсе не эпическая история.

Вместе обновлённое «Тревожное небо» и «Генезис» дают довольно чёткое представление о творческом стиле Константина Кейхеля, который старается примирить авангардный contemporary dance с принципами классической эстетики. Несомненно, зрители постарше вздохнут по поводу изобретательности и бескомпромиссности, которой так не хватает театру после трагического ухода Евгения Панфилова, но даже они вряд ли смогут противостоять обаянию этого очень эмоционального, очень энергичного балета.

ям человека и главного героя множества романтических произведений — Смерти. Но хореограф решил иначе: в финале балета романтический герой противостоит толпе — хаотично организованной людской массе, безликой, бессловесной, неспособной на поэзию. Это драматическое противостояние доходит до предельного накала и... притормаживает. Сходит на нет. Наверное, прав художественный руководитель театра Сергей Райник, когда говорит, что этому балету ещё предстоит обрести достойный финал.

Но даже и сейчас «Тревожное небо» — на редкость красивое зрелище, эмоциональное, логичное, с оригинальной